

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Вальтер Хубач

ЗАХВАТ ДАНИИ И НОРВЕГИИ

ОПЕРАЦИЯ «УЧЕНИЕ ВЕЗЕР»

1940—1941

За линией фронта. Военная история

Вальтер Хубач

**Захват Дании и Норвегии.
Операция «Учение
Везер». 1940-1941**

«Центрполиграф»

Хубач В.

Захват Дании и Норвегии. Операция «Учение Везер». 1940-1941 /
В. Хубач — «Центрполиграф», — (За линией фронта. Военная
история)

Подробное историческое исследование операции «Учение Везер», основанное на оперативных сводках руководства штаба вермахта, дает точную хронологию событий и указывает на участие в операции отдельных частей и соединений. Дополнительно использованы оперативные сводки, военные дневники и документы Нюрнбергского процесса.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Вальтер Хубач

Захват Дании и Норвегии. Операция «Учение Везер». 1940-1941

Два адмиралтейства размышляли точно по тем же самым направлениям правильной стратегии.
Уинстон Черчилль. Вторая мировая война

Предисловие

Захват Дании и Норвегии вооруженными силами Германии представляет собой единую операцию, которая завершилась через несколько недель и была ограничена по численности сил и размаху. Однако эта акция вызывает особенный интерес, так как явила собой первый пример современного комбинированного ведения войны тремя родами войск. Кроме того, при подготовке и проведении этой операции очерчиваются проблемы, которые вскроются впоследствии, в ходе Второй мировой войны: взаимоотношение трех родов войск вермахта, взаимодействие военной экономики и стратегического планирования, политическое сопротивление и военная измена, нарушение нейтралитета и эскалация войны.

По сравнению с литературой, рассчитанной на сенсационные откровения, и очень обобщенными обзорными описаниями, основные источники которых не поддаются проверке, данная книга является строго научным историческим исследованием. Источники этого исследования были обнаружены в такой полноте, которая первоначально и не предполагалась. Основную часть составляют оперативные сводки штабного руководства вермахта, которые дают не только точную хронологию событий, но и указывают на участие в операции отдельных частей и соединений вермахта. Эти документы – прочный костяк для подробного описания этого похода, и так как они представляют несомненный интерес, то полностью напечатаны в приложении. Дополнительно используются многочисленные военные дневники и записи и, наконец, нюрнбергские документы и скандинавские публикации. При изучении последних выяснилось, что как исторические источники они неравноценны, т. к. многие из них опубликованы без каких-либо комментариев и примечаний. Это относится и к содержащимся в скандинавских публикациях документам германского министерства иностранных дел и служебным документам вермахта.

Автор преследовал цель изложить события и их предысторию так, чтобы создать надежную основу для оценки по сравнению с ошибками памяти, немедленно наступающей мифологизацией, переоценкой собственного участия, а также ошибками в оценке действий скандинавских частей и армии в целом. Мы не намеревались широко останавливаться на подробностях, однако нас интересовало развитие вырабатываемых руководством решений. Книга заканчивается днем заключения перемирия с Норвегией. Последующий период времени не входил в круг наших задач. Надеемся, что одному из лучших знатоков проблемы оккупационного периода, адмиралу Боэму, будет позволено написать такое документальное исследование.

Полемическая дискуссия с организаторами Нюрнбергского процесса, согласие или несогласие с его приговорами не входила в намерения автора книги. Специалистам по международному праву необходимо предоставить возможность на основании изложенного здесь материала прийти к новым заключениям. Тем не менее не стоит отрицать, что опрос участников операции был затруднен продолжающимся психологическим воздействием нюрнбергского приговора, так как не все опрошенные могли выражаться беспристрастно. Автор должен был отказаться

от опроса военнопленных, еще находящихся в местах лишения свободы у союзников, так как с точки зрения методологии использование высказываний арестованных для историографии сомнительно.

Данное произведение возникло не по заказу. Автор поставил себе задачу внести вклад в историю нашего времени. Одновременно этой работой он хочет доказать, что не требуется никакого особенного метода, чтобы с багажом общей истории заниматься и так называемой современной историей. Вероятно, этот стимул подпитывается аналогичными работами из области «свободного исследования». Эта книга была бы иной, если бы основывалась на английском, норвежском и датском материалах. Отношение Германии к ее северным соседям находится все еще под влиянием событий 1940 года. В вопросах о причинах германского нападения на Данию и Норвегию одно мнение противостоит другому. От лица немецкой стороны автор представил изложение событий, которое смеет обозначить как подлинное. Искреннее желание автора – максимально способствовать беспристрастной оценке противоположных представлений.

Вальтер Хубач

Глава 1

СКАНДИНАВИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ, АНГЛИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ

Северо-Восточная Европа как поле международной напряженности в 1905 году. – Северные государства в кризисах обеих мировых войн. – Финско-русская зимняя война как опасный момент и начало расширения войны. – Север как цель военных планов союзников. – Вопрос о немецких базах в Скандинавии. – Опасения Германии перед северным фронтом и контрмерами. – Случай с «Альтмарком»

Отношение Германии к своим северным соседям на протяжении истории менялось. Но все же шведские и датские военные походы на немецкую землю, господство северных королей над германскими землями и оживленный экономический обмен по Балтийскому морю со дней Ганзы способствовали установлению непростых отношений между Скандинавией и империей. В течение столетий страны претерпели весь спектр отношений друг к другу – от враждебности до симпатии. Во время кризисов Тридцатилетней, Северной, Семилетней войн германские земли видели скандинавскую рать, в 1813 году северная армия по приказу шведского наследного принца приняла участие в коалиционном походе против Наполеона, в 1848 году немецко-датский конфликт вокруг Шлезвиг-Гольштейна принял форму воинственного противостояния и в 1864 году был разрешен в пользу немецкого движения объединения.

На повороте к XX столетию Скандинавские государства, при отдаленном положении на периферии с небольшим населением вели свой собственный образ жизни. Со времен Крымской войны Швеция и Норвегия разработали как политическую направляющую линию понятие нейтралитета, который нашел признание у великих держав благодаря гарантии наличия имущества и к которому после событий 1864 года присоединилась с определенными оговорками также Дания. Когда маятник европейского колониального расширения отклонился назад и в 1905 году африканские и азиатские проблемы привели Европу к опасному кризису, Норвегия искусно использовала связь великих держав в русско-японском и немецко-французском конфликтах, чтобы с согласия Швеции, с которой она была связана личной унией с 1814 года, отделиться на государственном уровне. Этот шаг был, конечно, замечен Германией и Россией. Летом 1905 года, казалось, дошло до серьезных разногласий по скандинавскому вопросу. «Пожалуй, имеются великие державы, которые не стали бы смотреть с безразличием на создание нового балканского полуострова на севере», – озабоченно писал шведский посланник в Петербурге. «Это был бы серьезный удар для британских интересов, если бы какая-нибудь другая власть овладела гаванью на норвежском побережье», – высказался британский государственный секретарь в письме британскому посланнику в Стокгольме. При встрече с царем в июле 1905 года в Бьёркое Вильгельм II стремился узнать от своего собеседника о намерениях русских и сообщил о якобы высказанном шведским королем Оскаром II мнении о том, что если бы Германии позволили занять Берген, то тогда Англия забрала бы себе Кристиансанн. Обеспокоенный царь записал тогда: «Англия воткнет свои пальцы (корректно или некорректно) в Норвегию, выиграет влияние, начнет интриги и в конце концов завладеет Скагерраком, заняв Кристиансанн, и тем самым закроет нас всех в Балтийском море. Также и на севере мурманские порты будут блокированы». Эти опасения были не только записаны. Император Вильгельм надеялся, что достигнутый в Бьёркое компромисс с Россией опосредованно коснется также скандинавского вопроса. Тем не менее ни разу не дошло до попытки обеих великих держав Балтийского моря дипломатично повлиять на Норвегию. Россия была ослаблена

последствиями войны с Японией, Англия в вопросе о Марокко приняла сторону Франции, Германия и вовсе была изолирована. В конце июля британский флот впервые после Крымской войны появился без официального объявления в Балтийском море. Эту демонстрацию невозможно было не заметить. 26 октября 1905 года шведский король Оскар отказался от норвежской короны, датский принц Карл единогласно был выбран стортингом королем Норвегии и взял имя Хаакон VII.

Германия уже летом 1905 года была готова заключить договор о нейтралитете с Норвегией. Со своей стороны Норвегия настаивала на подписании договора о целостности, чтобы иметь определенную защиту в случае ожидаемых германо-английских разногласий. Англия, напротив, хотела оставить для себя возможным занятие норвежских гаваней на случай войны. Этому не противоречило то, что Англия присоединилась к заключенному 2 ноября 1907 года на 10 лет коллективному соглашению о целостности – так же как Германия, Франция, Норвегия и Россия. Но она с самого начала сохраняла развязанными руки в отношении вопроса о нейтралитете Норвегии. Согласно точке зрения германского министерства иностранных дел, Англия оставляла для себя открытой возможность временного использования норвежской области в случае войны (например, пребывание своих военных кораблей в норвежских гаванях с целью пополнения запасов или для ремонта). «Если такое использование можно оспорить также согласно международному праву, то все же оно не сталкивается непосредственно с наступившими для Англии договорными обязательствами, которые хотят оставить неприкосновенной только целостность Норвегии».

Не иначе она вела себя с соглашением о поддержании территориальной целостности всех владений государств в районе Балтийского моря и Северного моря, которое было подписано 23 апреля 1908 года в Петербурге и Берлине, в том числе Великобританией, Германией и Скандинавскими государствами (кроме Норвегии, которая не нуждалась в этой гарантии вследствие заявления о целостности от 1907 года). В министерстве иностранных дел Англии господствовало мнение, что Альбион считает возможным действовать по собственному соизволению и даже может игнорировать целостность Норвегии, если будет нуждаться в военно-морской базе на норвежском побережье. По этим причинам цена этих соглашений едва ли равняется стоимости бумаги. Британские демонстрации флотов продолжались также по отношению к Дании: британский канальный флот в составе 25 линкоров стал на якорь с 27 июня по 1 июля 1908 года перед датской североморской гаванью Эсбьёрг. Датская общественность была потревожена. «Даже пламенный здешний англоман чувствует то, что он – угроза...» – писал немецкий посланник в Копенгагене о визите флота. Запланированный на сентябрь 1912 года одновременный визит английской и русской эскадры в Копенгаген «имел несомненным намерением инспектировать демонстрации против Германии», как конфиденциально сообщил датский министр иностранных дел граф фон Алефельдт немецкому посланнику. И этот визит потерпел неудачу от датского сопротивления. При этом английская эскадра не осталась в стороне от посещения датской столицы.

Однако основное внимание Англии касалось Норвегии. Уже британская пробная мобилизация в Агадирском кризисе 1911 года угрожала германскому океанскому флоту, рассредоточенному вдоль норвежского побережья. Весной 1913 года государственный секретарь министерства иностранных дел Англии Грей ответил соглашением на запрос тогдашнего первого морского лорда Уинстона Черчилля, будет ли оправданной с политической точки зрения военная акция против Норвегии в случае войны. Англия заверила бельгийского посланника, что никогда первой не нарушит нейтралитет Бельгии или какой-либо другой страны. «До тех пор пока Германия уважает нейтралитет Норвегии, нецелесообразно занимать норвежские гавани, чтобы создать оперативную базу против Германии. Однако нападение на вражеские корабли, которые находились бы как раз в норвежских водах, дело совершенно другое. Если наш враг первым нарушает нейтралитет другой страны, то мы, конечно, уполномочены обращаться с

этой страной как втянутой в район военных действий. Немецкие военные корабли, которые встретились бы нам в начале войны в норвежских водах, заняли бы там места в строю, вероятно, по стратегическим причинам».

На фоне общей лихорадки вооружения и состояния боеготовности в Европе три скандинавских государства стремились сохранять нейтралитет во всех мыслимых конфликтах. 21 декабря 1912 года северные страны договорились о правилах нейтралитета, которые еще не были в подробностях изложены в Гаагском соглашении. В начале войны 1914 года Дания, Швеция и Норвегия подтвердили свою волю к нейтралитету; встречи министров и, наконец, встреча скандинавских монархов подчеркнули эту линию. Разумеется, маленькие страны с ростом трудностей у средних государств подвергались непрерывному давлению союзников; Норвегия и Швеция были вынуждены предоставить значительную часть своего тоннажа в распоряжение Англии. Швеция также поставляла руду союзникам, и Германия старалась переговорами достичь того, чтобы ее минимальная потребность в 4 млн тонн ежегодно оставалась гарантированной.

В начале войны Дания освободила в соответствии с общими международно-правовыми нормами фарватеры проливов Бельт и Зунд для прохода судов воюющих сторон. Тем не менее германский главный морской штаб принудил ее заблокировать минами пролив Большой Бельт восточнее и западнее Спрогё и восточнее Земли Венгеанса. Однако сигнальные огни, обозначающие проходы, и недостаточно эффективная сторожевая служба датских кораблей, которые не решились бы противостоять энергичному противнику, сделали неэффективными это ограждение как защиту Кильской бухты. Согласие датского министра иностранных дел Скавениуса на то, чтобы Дания ставила в известность Германию о появлении больших английских вооруженных сил поблизости к запретным зонам («что датское правительство рассматривало бы как доказательство преднамеренного нарушения своего нейтралитета»), также не оказало влияния на ход войны.

Похожие предложения германского главного морского штаба были направлены Швеции. Тем не менее шведское правительство 9 августа 1914 года ответило, что закрытие международного фарватера Эресунна неосуществимо по международно-правовым и техническим причинам. Этот отказ был прежде всего в интересах поддержания шведского судоходства. При предстоящем заходе военных кораблей в пролив все маяки там гасились бы и морские знаки удалялись бы, и тем не менее не предусматривалось противостоять силой оружия входу в пролив чужих военных кораблей. Германский главный морской штаб отказался давить на Швецию дальше. «Германия будет строго уважать нейтралитет Швеции так долго, пока он не будет нарушен одним из наших противников. Однако если противник проникнет в пролив насильственно, то Германия оставляет за собой право самостоятельно использовать все необходимые мероприятия для своей безопасности. Но даже тогда она будет стремиться насколько возможно уважать шведские территориальные воды», – звучал ответ, который дало германское министерство иностранных дел по проекту главного морского штаба 9 августа 1914 года на шведское заявление от того же числа. По оценке германского главного морского штаба, в шведском отказе «без сомнения сыграло роль влияние, которое оказывал, как считалось, непобедимый английский флот как средство политического давления. <...> Так же как шведскую торговлю и вместе с тем экономические круги страны, так и Англию и Россию объединил самый большой интерес к тому, чтобы не мешали торговле стран Балтийского моря через пролив, который был и оставался исключительно для торговли Антанты».

То, чего германский главный морской штаб не достиг по отношению к Швеции в 1914 году – закрытия ее вод от прохода вражеских подводных лодок, – это удалось осуществить британскому адмиралтейству в конце войны по отношению к Норвегии. В ноте от 7 августа 1918 года Англия просила норвежское правительство минировать фарватер западнее острова Кармей, чтобы продолжить большое английское минное ограждение Северного моря также в

пределах норвежских территориальных вод и предотвратить средствами охраны проход немецких подводных лодок. Норвегия пошла на эти меры ввиду британского давления и уже предсказуемого исхода войны.

Передел Европы мирными договорами в 1917–1919 годах не коснулся скандинавских государств; благодаря их политике нейтралитета Первая мировая война их не коснулась, тогда как государства Балтийского моря, Германия и Россия, были обескровлены. С исправной экономикой и валютой северные страны выиграли замечательное экономическое превосходство у континента, расшатанного чрезвычайными положениями войны и инфляции. Кроме того, Дания могла удовлетворить старые национальные требования приобретением северного Шлезвига; разделение восточных прибалтийских стран на независимые государства привело к новым благоприятным транспортным и экономическим отношениям, главным образом для Швеции. Самостоятельность Финляндии придала желанное усиление северу, и даже если политический поворот к Скандинавии произошел только в 1930-х годах, то культурные и экономические связи с остальными северными государствами были приняты и расширены немедленно. В 1918 году Исландия также стала независимым королевством, оставаясь, однако, в личной унии с Данией. На место трех скандинавских королевств 1905 года вышло пять независимых северных государств. Измененное с начала столетия значение Скандинавских государств в пределах европейской политики проявилось в роли, которую они играли в Лиге Наций в вопросах разоружения и санкциях. Если северные страны осенью 1936 года восприняли участие в мероприятиях, связанных с санкциями Лиги Наций, как не нарушающее их традиционную политику нейтралитета, то два года спустя, накануне Второй мировой войны, «государства Осло» возвратились к классической линии строгой беспристрастности. После германского вступления в Прагу в марте 1939 года Вторая мировая война стала рассматриваться в Скандинавии вообще как неизбежная.

Германское имперское правительство 2 июля 1936 года подписало договор арбитража и сравнительный договор с Данией; 31 мая 1939 года состоялось заключение пакта о ненападении на 10 лет, главная составная часть (статья 1) которого звучала: «Германская империя и королевство Дания ни в каком случае не шагнут к войне или к другому виду применения силы друг против друга. В случае, если со стороны третьего государства дело дойдет до акции, указанной в 1-м абзаце, против одной из договаривающихся сторон, другая договаривающаяся сторона не поддержит такую акцию никаким способом». Швеция и Норвегия отвергли предложение заключить аналогичные договоры о ненападении на том основании, что они не чувствовали себя находящимися под угрозой.

В начале войны в сентябре 1939 года четыре скандинавских государства проявили решительность придерживаться линии определенного нейтралитета, как в Первую мировую войну. Закрывания морских путей не последовало, тем более что, согласно датскому заявлению от 31 мая 1938 года, проход был разрешен в проливах Зунд и Бельт для всех кораблей, включая военные корабли воюющих наций. Это заявление основывалось на ясно признанном факте, что Дания была бы не в состоянии оказать серьезное сопротивление форсированию входов Балтийского моря. В то время как Германия считала свое отношение к Дании выясненным пактом о ненападении, оказалось необходимым указать Норвегии на то, что определенное поддержание норвежского нейтралитета находится в сфере немецких интересов и каждое нарушение нейтралитета третьей стороной должно вести к немецким контрмерам. Соответствующая нота, которая была вручена немецким посланником в Осло норвежскому министру иностранных дел уже 2 сентября 1939 года, то есть еще перед английским объявлением войны, дословно гласила: «Германское имперское правительство решилось, согласно дружеским отношениям, которые существуют между Норвегией и Германией, ни при каких обстоятельствах не нарушать неприкосновенность и целостность Норвегии и уважать норвежскую государственность. Когда имперское правительство делает это заявление, оно, конечно, со своей стороны ожидает

также, что Норвегия будет наблюдать в отношении империи безупречный нейтралитет и не потерпит возможных вторжений в свой нейтралитет с третьей стороны. Если отношение королевского норвежского правительства в случае, когда третьей стороной такое нарушение нейтралитета повторяется, будет другим, то имперское правительство было бы вынуждено воспринимать интересы империи таким образом, какой возникшее в итоге положение навязало бы имперскому правительству». Немецкая нота не означала недоверия к норвежской воле соблюдения нейтралитета, и все же имперское правительство в соответствии с поведением Англии в Первую мировую войну должно было по меньшей мере считаться с острым дипломатическим давлением на Норвегию. Кроме того, было известно, что президент стортинга Хамбро в противоположность осторожному министру иностранных дел Коту был страстным сторонником эмоциональной политики, от которой Германия не могла ожидать никаких симпатий.

Первая трудность возникла, когда торговое судно США «Сити оф Флинт» с призовой командой броненосца «Дойчланд» («Лютцов») на борту было конфисковано норвежскими властями в октябре 1939 года в Хёугесунне. Немецкая призовая команда была интернирована, а американский пароход отправился обратно на родину. Немецкий протест действия не возымел. В то же время норвежцы разрешили немецкому кораблю «Вестервальд» в конце ноября зайти в военный порт Берген. Между 7 и 13 декабря у норвежского побережья британские или по британскому заказу движущиеся пароходы «Томас Уолтон», «Гэроуфелиа» и «Дептфорд» были потоплены немецкой подводной лодкой. В ноте от 6 января 1940 года британский министр иностранных дел Галифакс заявил, что Англия распространит ведение войны на море в норвежские воды, так как Норвегия, очевидно, не способна защитить свое побережье. Министр иностранных дел Кот ответил 8 января, что еще никогда никто не заявлял о столь сильной угрозе норвежскому нейтралитету, и 23 января высказал на правительственном заседании опасение, что уже через 8 дней придется стоять перед выбором между нейтралитетом и началом войны. «Очевидно, что основная цель Англии в этом споре состояла в том, чтобы препятствовать транспорту шведской руды из Нарвика» – так отозвалась официальная норвежская следственная комиссия о британской ноте от 6 января 1940 года. В Норвегии сложилось впечатление, что Англия уже в первые военные месяцы хотела добиться от Норвегии того, в чем ей отказали во время Первой мировой войны ввиду готового к бою германского океанского флота.

В ноябре 1939 года Англия посредством переговоров, которые продолжались до февраля и марта 1940 года, и частных договоров с норвежскими пароходствами достигла того, что норвежские корабли стали предоставляться в распоряжение английских фрахтователей. Благодаря этим соглашениям о тоннаже Англия получила право до 8 апреля 1940 года использовать 2,45 млн брутто-регистрационных тонн на норвежских судах, из них 1,65 млн брутто-регистрационных тонн приходилось на танкеры. Англия имела теперь, разумеется, значительное средство давления на норвежское правительство. Германия не смогла предотвратить этого и поэтому должна была довольствоваться тем, что Норвегия одновременно заключила и с Германией торговое соглашение, которое гарантировало, прежде всего, поставку шведской руды через Нарвик. Норвежское правительство, в свою очередь, не собиралось уступать каждому давлению союзников, что оно должно было доказать в финском вопросе.

Начало финско-русской зимней войны поставило Скандинавию в особо трудное положение и побудило Швецию и Норвегию обратить пристальное внимание на развитие отношений на востоке. В Дорпатском соглашении 1919 года Россия признала Финляндию как независимое государство, заключила с ней в 1932 году пакт о ненападении, который был обновлен через два года и должен был считаться бессрочным до 1945 года. 5 октября 1939 года, после окончания боев в Польше и предоставления баз Эстонией и Латвией, финское правительство послало уполномоченных в Москву с целью «проведения переговоров с советским правительством по конкретным политическим вопросам». Тем не менее начавшиеся переговоры прекратились 13 ноября как безрезультатные, ибо выдвинутые Россией требования значили отказ

от политической самостоятельности Финляндии. 30 ноября 1939 года около 30 русских дивизий без объявления войны перешли финскую границу, военные корабли обстреляли южное побережье, военно-воздушные силы атаковали столицу, Хельсинки. Финляндия, обратившись за помощью к Лиге Наций, оказала жесткое сопротивление, опираясь на линию Маннергейма. Финский вопрос очень сильно задел общественность Скандинавских стран накануне наступающего нового, 1940 года. 7 декабря 1939 года министры иностранных дел Дании, Норвегии и Швеции встретились в Стокгольме и решили сохранять строгий нейтралитет по отношению к финской войне. Большую, чем в Норвегии, готовность помочь финнам выразила шведская общественность. Но заявление о нейтралитете, конечно, установило границы этой готовности. Была признана серьезность ситуации и подчеркнута связь по меньшей мере судьбы Швеции с судьбой Финляндии.

Уже 9 октября 1939 года шведский посланник выступил в Берлине в министерстве иностранных дел и подчеркнул, что «в Балтийском море возникло бы очень серьезное положение, если Россия выдвинет относительно Финляндии требования, угрожающие ее независимости и самостоятельности». Государственный секретарь фон Вайцзеккер ответил, что в Московском договоре от августа 1939 года Германия «не заявила о каких-либо интересах к востоку от известной линии (северной границы Литвы)». Тем не менее он надеется, «что Россия не выдвинет никаких слишком далеко идущих требований по отношению к Финляндии и что поэтому нужно найти мирное урегулирование». Похожий ответ получил от фон Вайцзеккера в тот же день и финский посланник в Берлине. Тем не менее германский посланник в Хельсинки, который был соответствующим образом уведомлен, выставил на следующий день довод, что Финляндия оказала бы вооруженное сопротивление русским, если бы они не ограничились островами в Финском заливе. Он предложил повлиять на русское правительство.

В течение зимней войны германские дипломатические миссии получали указание «избегать каких-либо антирусских настроений в беседах о финско-русском конфликте». По поводу новой беседы со шведским посланником 4 января 1940 года фон Вайцзеккер планировал интерпретировать русское намерение относительно того, что российские довоенные границы должны быть восстановлены, и тем не менее Швеция и Норвегия не должны были ничего опасаться. При продолжении этой беседы 13 января государственный секретарь снова подчеркнул, что в интересах Германии было бы не распространять финско-русский конфликт. Еще дальше пошел генерал-фельдмаршал Геринг, который днем позже заверил шведского посланника в том, что нейтралитет не исключает дружественного отношения к Германии и что Россия не решилась бы атаковать Швецию, если бы немецко-шведская дружба была очевидной. В то время как германское правительство, сдержанное отношение которого к судьбе балтийских государств и Финляндии вызывало обиду у этих народов и в Скандинавии, должно было стремиться к тому, чтобы не возникали новые осложнения еще и на северо-востоке, западные державы в переоценке своих нынешних возможностей увидели средство вмешаться в финско-русский конфликт, чтобы приблизиться к достижению своих военных целей. Заключение мира между Финляндией и Россией 12 марта 1940 года в Москве расстраивало эти намерения. Между тем в норвежских территориальных водах произошло британское нападение на немецкое вспомогательное судно «Альтмарк», которое позволило отчетливо увидеть ненадежность норвежского нейтралитета и должно было привести немецкую сторону к серьезным решениям, чтобы упредить стремление союзников в Скандинавию.

Военные планы союзников были определены опытом, который, как они полагали, английские и французские генеральные штабы получили в Первую мировую войну. Французский Генеральный штаб боялся действовать против Германии во фронтальном наступлении, при котором нужно было бы преодолевать Западный вал ценой больших жертв, которых в свое время потребовала борьба за Верден. Вместо этого подготавливались широкомасштабные операции, которые вели к созданию экспедиционного корпуса на Востоке под командованием

генерала Вейгана и в связи с этим к подготовке последующего занятия союзниками Салоник. В то время как здесь просматривались несомненные аналогии с Первой мировой войной, в Лондоне возникали также планы, которые основывались на излюбленных идеях морского министра Уинстона Черчилля. 5 сентября 1939 года он был снова приглашен в министерство и уже через четыре дня после вступления в должность заставил адмиралтейство разработать проект форсирования морских проливов тяжелыми военно-морскими силами. На сей раз эта операция должна была быть направлена на форсирование прохода Балтийского моря.

В плане, который имел условное наименование «Катарина», Черчилль среди прочего написал: «Целью является овладение Балтийским морем. Цель должна быть достигнута, когда мы выйдем с соединением линкоров, которые противник не решится атаковать своими тяжелыми кораблями. Опираясь на эту эскадру, будут действовать легкие вооруженные силы. Если бы нам удалось добиться господства над Балтийским морем, мы лишили бы Германию поставок железной руды, прочих видов сырья и пищевых продуктов из Скандинавии. Наверное, появление нашего флота решительно повлияло бы также на последующее поведение Скандинавских государств и, вероятно, подвинуло бы их к тому, чтобы вступить в войну на нашей стороне. В этом случае мы имели бы возможность соорудить базу, которую можно было бы снабжать по грунтовой дороге». В век воздушной войны этот план выглядел фантастическим, и адмиралтейство в конце концов отказалось от него как от неосуществимого, так как времени было недостаточно, чтобы до весны 1940 года провести необходимое переоборудование старых линкоров. Черчилль 6 января 1940 года написал первому морскому лорду: «Удар сильного надводного флота в Балтийском море, каким бы желательным он ни был, не является существенным для вступления во владение и удержания шведских рудников». Он при каждой возможности написал к своему плану в несколько измененном виде. Речь для союзников шла не только о том, чтобы использовать их морское господство, но и о том, чтобы посредством обдуманного и обширного ведения экономической войны отрезать Германию на Ближнем Востоке и на Балканах от поставок нефти, в Скандинавии – от поставок руды.

Без сомнений, в последних планах Черчилль принял решающее участие по сравнению с колеблющимся британским премьер-министром Чемберленом и британским адмиралтейством; назначение этого человека руководителем морского министерства должно было роковым образом отразиться на Скандинавских государствах. Позиция британского морского министра, который пытался более тесно сомкнуть кольцо блокады вокруг Германии и препятствовать притоку сырья для германской военной экономики, была вполне понятна. В меморандуме от 29 сентября 1939 года Черчилль утверждал, что, если «снова возобновятся транспорты из Нарвика в Германию, должны быть приняты суровые меры». В тот же день морской министр потребовал от заместителя начальника британского главного морского штаба более точных данных о том, какое место норвежского побережья севернее Бергена (так как южнее его морские пути должны были оставаться свободными для английского сообщения со Скандинавией) более всего подходит для постановки мин против немецких транспортов с рудой. Гораздо более отчетливо написал Черчилль в своем меморандуме от 16 декабря 1939 года: «Срыв шведских поставок руды через Норвегию в Германию имеет значение большой наступательной операции. Если однажды прийти к выводу, что эти преимущества перевешивают бесспорные и принимаемые всерьез возражения, то должно быть форсировано проведение мероприятий, необходимых для того, чтобы принудить к срыву транспортов с рудой. Северная блокада Германии тогда была бы полной. Мы могли бы занять, например, Нарвик и Берген и в дальнейшем использовать эти гавани для нашей торговли, в то время как они были бы полностью заперты для Германии. Можно подчеркнуть, что британское завладение норвежским побережьем представляет собой стратегическую цель первого порядка; даже если Германия предприняла бы самые действенные контрмеры, мы бы определенно выглядели не хуже, как если бы вообще не предприняли никакой акции... Наша совесть – это наш высший судья... Как

фактический представитель принципов Лиги Наций, мы имеем право, даже долг поднимать временно силу как раз тех законов, которым мы хотим снова придать значение и надежность».

Черчилль сначала не смог отстоять свою точку зрения в британском военном кабинете. Правда, было решено, заглядывая вперед, подготовить планы для английской высадки в Норвегии в поддержку Финляндии, которая должна была происходить в Нарвике. Глава британского Генерального штаба, генерал Айронсайд, получил задание проверить отправку пехотной бригады в Нарвик. Должны были разрабатываться и другие мероприятия на случай германского вторжения в Южную Норвегию и предприниматься дипломатические шаги в правительствах Скандинавских стран. Они последовали после того, как 27 декабря скандинавским правительствам было передано заявление о «непосредственной или косвенной поддержке» союзников и оно было отклонено в течение первых дней января с передачей в Стокгольме и Осло острой британской ноты от 6 января 1940 года. Параграф 5 ноты звучал: «Королевское британское правительство предпримет необходимые меры, чтобы предотвратить использование норвежских территориальных вод немецкими торговыми судами. В ходе этого королевским британским военно-морским силам может потребоваться время от времени входить в эти воды и действовать там». Норвежский, так же как и шведский ответ на эту ноту прозвучал недоброжелательно; общественность в обеих странах взволнована, и поэтому король Норвегии Хаакон сделал представление королю Англии Георгу. Тем не менее французский премьер-министр и министр иностранных дел Даладьё настаивали в Лондоне: «Каждая возможность обосноваться в области, которая еще не закрыта для нас, каждый процесс, который позволяет нам выигрывать влияние в обстановке, как признано, непосредственно изменяющей войну, должны учитываться и сразу использоваться». Открытый призыв Черчилля от 20 января к нейтральным странам (они должны стать, наконец, на сторону западных держав и отказаться от сдержанного отношения) возымел противоположное действие. А кабинет под влиянием Чемберлена не решался нарушить нейтралитет Скандинавских государств.

Французский Генеральный штаб настаивал на открытии второго фронта, чтобы ослабить немецкое наступление на запад, относительно которого не существовало никакого сомнения с тех пор, как в январе 1940 года в руки к западным державам попал немецкий план стратегического сосредоточения и развертывания. На основании выполненных с 16 января французских подготовительных работ и военных консультаций между союзниками от 31 января и 1 февраля высший их военный совет решил 5 февраля послать английские и французские части (от 3 до 4 дивизий) в Нарвик, чтобы оказать военную помощь Финляндии и занять при этом рудники в Гэлливаре. На следующий день лорд Галифакс сообщил норвежскому посланнику, что Англия намеревалась закрыть немецкому транспорту с рудой проход через Нарвик. Аналогичную информацию он сообщил также шведскому посланнику. По сравнению с этой целью оказание помощи Финляндии сокращалось все больше и больше. Французский посланник в Канаде, Ро-бер де Дампиер, был отправлен с особыми полномочиями в Осло. На пути туда в Бресте он встретил французские части, которым предстояло пройти через Норвегию и Швецию, в связи с чем с 26 февраля они стояли готовыми к походу. В их числе и бригада стрелков генерала Бетуара. Операция союзников была связана с участием Швеции и Норвегии, и все же оба правительства, само собой разумеется, остро недоброжелательно относились к запланированному военному расширению на север. Шведское министерство иностранных дел высказало точку зрения, что намерениям союзников не могли бы помочь ни Швеция, ни, в конце концов, Финляндия, и норвежский министр иностранных дел Кот угрожал увезти необходимый для прохождения железнодорожный вагонный парк из портовых городов. Кот ни мгновения не сомневался в том, что акция союзников ни в коем случае не предусматривала цель оказать эффективную помощь Финляндии и должна была вызвать скорее немецкую контратаку, вследствие чего Скандинавия стала бы полем сражения между Германией и западными державами.

16 февраля произошло британское нападение на немецкое морское вспомогательное судно «Альтмарк» в Йёссинг-фьорде, последствия которого обсуждались скандинавскими правительствами так же серьезно, как и германским. Точка зрения неизменного, не боящегося никакого давления строгого нейтралитета и независимости северных государств была признана обязательной для Скандинавских стран на общей конференции министров иностранных дел в Дании, Норвегии и Швеции, состоявшейся в Копенгагене 25 февраля 1940 года. Следующая нота союзников, переданная 2 марта правительствам в Осло и Стокгольме, в которой Скандинавским государствам предлагались военные гарантии против немецкого нападения, была снова отклонена после общения скандинавских министров иностранных дел. Шведский министр иностранных дел Гюнтер принял ноту с замечанием, что эта британско-французская интервенция, кажется, имеет целью перенести борьбу в Скандинавию; что это, во всяком случае, вообще распространенная точка зрения в Швеции.

Сначала финское правительство не могло даже обмолвиться о вмешательстве экспедиционного корпуса союзников. Переговоры с английскими и французскими офицерами привели в итоге к тому, что Нарвик должен был использоваться как порт для разгрузки, а Северная Швеция – как область для прохождения. Большая часть воинских подразделений западных держав оставалась бы в Северной Норвегии и Швеции, предназначенная к использованию на фронте дивизия была бы готова не раньше чем в апреле. Это незначительное число войск не могло изменить соотношение сил (47 русских дивизий против 16 финских), тем не менее северошведский рудный бассейн перешел бы в руки союзников. Финское правительство отказалось от предложения, потому что такая интервенция не представлялась полезной, и 6 марта решилось на мирные переговоры с Москвой. Россия была готова к заключению мира, причем не в последнюю очередь из-за опасности впутываться в конфликт с западными державами. 8 и 9 марта планы Норвегии проверили еще раз в британском военном кабинете и в комиссии по Скандинавии, в межсоюзном комитете по исследованиям и была подчеркнута необходимость наряду с занятием Нарвика первоначально одним батальоном также занятия Ставангера и Бергена, чтобы иметь в руках аэродром Сола. Последнее требование, направленное 11 и 12 марта скандинавским правительствам, о прохождении частей для поддержки Финляндии, было снова отклонено по политическим мотивам. 11 марта вечером Черчилль прибыл в Париж, чтобы предотвратить в последний момент заключение финско-русского мира. Вместе с Даладье он передал финскому посланнику заявление о том, что в случае финского согласия транспортные суда с готовыми частями союзников вышли бы безотлагательно. О прохождении должно было быть сообщено в ноте Норвегии и Швеции, чтобы не спрашивать у этих правительств особого разрешения; дипломатические отношения Англии и Франции с Советским Союзом были бы тогда сразу прекращены. Теперь до этого не дошло. Заключение мира в Москве 12 марта прекращало финско-русскую зимнюю войну. Этот исход возбудил французскую общественность, которая уже за неделю до этого предприняла в прессе продолжительные тяжелые нападки на Швецию. Кабинет Даладье пал; одновременно прежний министр финансов Рейно принял уже как министр иностранных дел 21 марта за образование нового французского правительства с целью заняться энергичным ведением войны. Сюда относится скандинавская операция, для которой уже все было подготовлено.

У германского Верховного командования в августе 1939 года не создавалось впечатления, что Гитлер держал курс на войну, чтобы опередить западные державы в соответствующем вооружении. Скорее господствовало представление, что вопрос о коридоре «урегулировался бы» подобным же образом, как вопрос о Праге и Мемеле. Вероятность того, чтобы ввязаться в войну также еще и с западом, усиливалась вопреки германскому пакту, заключенному с Москвой в конце августа. В течение последних дней этого месяца, с 26 по 31 августа, Гитлер пришел к убеждению, что угроза войны со стороны западных держав – лишь маневр запугивания, и поэтому отдал приказ о нападении на Польшу 1 сентября. Когда же через два дня Англия и

Франция объявили войну, Гитлер был в высшей степени поражен и ошеломлен. Тем не менее вскоре он пришел к убеждению, что западные державы хотели сохранить лишь свое лицо, тем более что с военной точки зрения они оставались абсолютно пассивными даже в воздухе. В германских соединениях на западе состояло сначала 31, позже 50 дивизий и подразделения трудовой повинности, которые с трудом сдержали энергично проведенную французскую попытку прорвать оборону противника на еще не завершеном Западном валу.

Германский военно-морской флот встретил начало войны с Англией полностью неподготовленным. Ни плана операции, ни учений, как вести дела в этом случае, не существовало. Гитлер строго запретил командованию как армии, так и морского флота даже в мыслях держать возможность войны с Англией. Только в августе 1939 года появились проекты первых операций, и все же Гитлер снова заверил обеспокоенного главнокомандующего военно-морским флотом, что дело до схватки с Англией не дойдет.

Большая часть плавсредств немецкого военно-морского флота была ограничена рамками Версальского договора по конструкции и вместе с тем по возможностям применения. Только в 1930 году построение флотов могло планироваться исходя из оперативных соображений. Польша и Франция учитывались как возможные противники; их военно-морские силы должны были вырасти. После 1933 года стало больше невозможно проводить четкую линию в судостроении из-за постоянно менявшегося влияния; так называемый «план Z», который предусматривал окончание построения флота к 1948 году, создал бы морской флот, построенный по опыту Первой мировой войны.

В сентябре 1939 года соотношение германского флота к английскому флоту равнялось 1:10. Это состояние вынудило перенести основной упор на строительство подводных лодок и войну тоннажа. Активность и неординарные решения должны были держать противника в напряжении, раскалывать его вооруженные силы и ударами надводных кораблей облегчить войну подводных лодок. За этой тактикой стоял невысказанный страх оказаться не в состоянии показать такие же успехи, как у сил вермахта, и повторить пагубную бездеятельность морского флота Первой мировой войны.

Слабые оперативные возможности германских военно-морских сил в начале Второй мировой войны объяснялись не только незначительным числом кораблей, но и неблагоприятностью географического положения по отношению к Англии. Военная авиация не создавала при этом приоритетов, так как ее преимущества были одинаковыми у обеих сторон. Основываясь на опыте 1914–1918 годов, вице-адмирал Вольфганг Вегенер в своей книге «Морская стратегия мировой войны», вышедшей в 1929 году, указал на необходимость добиваться выдвинутых географических позиций как основы каждой морской стратегии. По меньшей мере – как он требовал – с помощью политических соглашений с Данией нужно было бы выиграть возможность доступа к Балтийскому морю севернее Бельта. И все же дальше он сразу сделал вывод: «Из того факта, что мы не были удовлетворены также позицией Каттегата, следует, что стратегическое наступление подчинено закону, а именно тому, что план наступательной операции непрерывно подгоняет военное руководство и двигается от позиции к позиции; до тех пор, пока не достигнута по меньшей мере равноценность возможного превосходства стратегической позиции, в которую входит устойчивое состояние и в которой начинается борьба за морское господство над торговыми артериями». Вегенер видит решение в завоевании норвежской позиции: «Англия не могла больше удерживать тогда линию блокады Шетландские острова – Норвегия, а должна была отодвигать ее, например, к линии Шетландские острова – Фарерские острова – Исландия. Однако эта линия имела очень крупные разрывы. И свежий ветер океана разбавлял уже удушливый воздух голодной блокады. Кроме того, Англии сложно было эту линию защищать, так как она лежала относительно близко к нашим базам, и, прежде всего, потому, что на севере мы значительно превосходили географически английскую стратегическую позицию».

Книга Вегенера, которую резко критиковал Редер, считалась в начале 1930-х годов «евангелием» молодого корпуса морских офицеров. В декабре 1939 года первый артиллерийский офицер крейсера «Адмирал Хиппер» капитан третьего ранга Эдвард Вегенер в частном, гектографированном меморандуме снова прибег к мыслям своего отца. «От Норвегии, – сообщается в меморандуме, – мы приумножаем эффективность всех категорий наших вооруженных сил. Отсюда исходит наше силовое поле, которое простирается вплоть до вод Исландии. Снова открывается возможность присоединиться к заокеанскому торговому обороту... Задачу взять норвежские базы, удержать их и расширить можно осуществить средствами морского флота... Поток руды из Нарвика, к которому мы так привязаны, особенно зимой, иссякает для Англии и течет во всем изобилии для нас. Северная позиция как привлекательный плод лежит перед нашей дверью. Нам остается только схватить его». Важно наряду с соображениями главных штабов также услышать голос этого фронтового офицера. Характерно, что немецкой стороной, так же как союзниками, опыт мировой войны не выводился точно из развития событий, а формировался из отдельных переживаний, плодов чтения и бесед, наконец, убеждений, которые были больше пронизаны эмоциями, чем логической природой, и сильными идеалами.

Каждый раз на первый взгляд озадачивающая аналогия с Первой мировой войной играла такую же роль, как страх перед вторым Верденом у Франции, стремление в Балтийское море у Англии и стремление из Гельголандской бухты в Атлантику у Германии. В то время как Германия располагала в сентябре 1939 года по сравнению с 1914 годом в численном отношении очень слабым флотом, ее морское стратегическое положение тем не менее было несравненно благоприятнее. Британская блокада не была на удалении такой эффективной; Россия, Япония, Южная Америка не состояли в лагере противников, а Италия связывала с самого начала силы союзников в Средиземном море. Только сообщения немецкой службы контрразведки и некоторые очевидные признаки говорили об интересе Англии к достижению позиций в Скандинавии, побуждали руководителей военно-морского флота определиться с соображениями относительно того, возможно ли Германии обрести базы в Норвегии и Дании. Соответствующая запись в журнале боевых действий руководителей военно-морского флота от 3 октября 1939 года звучала: «Военно-морское командование [Редер] считает необходимым как можно скорее ознакомить фюрера с соображениями руководителей морской войны относительно возможности расширения операционной базы на север. Необходимо проверить, существует ли под общим давлением России и Германии возможность для добычи баз в Норвегии с целью принципиального улучшения нашего стратегического и оперативного положения. Необходимо выяснить следующее:

1. Какие места в Норвегии принимаются в расчет как базы?
2. Можно ли овладеть базами силой, если этого нельзя добиться мирными средствами, вопреки воле Норвегии?
3. Какие возможности по обороне следует предпринять после военного овладения?
4. Должны ли гавани использоваться только как базы или они дают решающие преимущества как места снабжения? (Командующий подводным флотом считает такие гавани крайне ценными в качестве баз оборудования и снабжения для подводных лодок Атлантики.)
5. Какие решающие преимущества имел бы захват базы в Северной Дании, например Скагена, для ведения войны на море?»

Командующий подводным флотом ходатайствовал 9 октября за учреждение базы подводных лодок в Тронхейме с возможностью снабжения и ремонта, квартирами для личного состава лодок, зенитной обороной, береговой артиллерией и соединениями минных тральщиков. Как запасная база планировался Нарвик. Тем не менее руководители ВМФ отказались от этого, так как, согласно их точке зрения, базы в Норвегии не содействовали бы никакому решающему улучшению морских стратегических позиций Германии. Прежде всего, не суще-

ствовало, по мнению руководителей ВМФ, никакого повода проводить захват страны. Отказались и от учреждения базы в Исландии, так как таковую не удалось бы содержать уже по причинам снабжения. Вместо этого предоставление Россией якорной стоянки в бухте Западная Лиза на южной стороне бухты Мотовской, к западу от Полярной, было желанным дополнением для местных баз; эта база «Север» была предоставлена в распоряжение германского ВМФ с ноября 1939 года и особенно активно использовалась подводными лодками.

Против движения конвоя Англия – Скандинавия в конце ноября был направлен удар линкоров «Гнейзенау», «Шарнхорст», крейсера «Хиппер» и двух эсминцев. В то же время в Северном море успешную деятельность осуществляли подводные лодки. Впрочем, с первого военного дня руководители придерживались мнения, что нейтралитет Норвегии мог бы идти только на пользу Германии. Будет ли он поддерживаться также по отношению к Англии – это был вопрос, который все больше заботил командование ВМФ с тех пор, как уже в сентябре 1939 года глава контрразведки адмирал Канарис получал более или менее подтвержденные сообщения о том, что Кристиансанн и прежде всего Ставангер-Сола и Тронхейм находятся под угрозой английского захвата. Похожие сообщения были и у командующего морской группой «Север» адмирала Карльса, который указал в конце сентября в частном письме главнокомандующему ВМФ на значение норвежского побережья для ведения Германией войны на море. Гросс-адмирал Редер, который до сих пор не занимался этим вопросом, 10 октября в особом докладе Гитлеру впервые докладывал о Норвегии. В дополнительной записи в журнале боевых действий от 10 января 1944 года гросс-адмирал Редер изложил содержание своего доклада от 10 октября 1939 года: «При этом я подчеркивал недостатки, которые имелись бы для нас, если бы англичане заняли норвежские базы. Овладение входами в Балтийское море, фланкирование наших морских военных операций в Северном море и налетов авиации на Англию, давление на Швецию, а также преимущества для нас овладения норвежским побережьем: выходные ворота в Северную Атлантику, невозможность английского минирования, как в 1917–1918 годах. Тогда говорили, естественно, только о побережье и о базах, причем я приобещал Нарвик, в то время как адмирал Карльс в ходе переписки полагал, что можно отказаться от Нарвика... Значение проблемы Норвегии сразу стало очевидным для фюрера; он попросил передать записку и объяснил, что хотел бы заняться этим вопросом». Тем не менее Гитлер не предпринял никаких действий. Толчок к тому, чтобы снова заняться Норвегией, последовал лишь два месяца спустя с другой стороны.

Внешнеполитическое управление Национал-социалистической немецкой рабочей партии, которое не только не имело никаких отношений с официальным министерством иностранных дел, но и резко недоброжелательно противостояло ему, вступило под руководством уполномоченного Гитлера по вопросам мировоззренческого воспитания Альфреда Розенберга уже перед войной в связи с не очень значительной партией *Nasjonal Samling* предыдущего норвежского военного министра, майора и государственного советника Видкуна Квислинга. Квислинг появился в Берлине в декабре 1939 года в сопровождении норвежского директора Хагелина; оба были приняты по рекомендации Розенберга 11 декабря главнокомандующим военно-морским флотом. Квислинг принес сообщение о том, что Англия готовится высадиться в Норвегии и что, по его мнению, существует тайное соглашение об этом между норвежским и британским правительствами. Гросс-адмирал Редер днем позже отнес Гитлеру результат этого обсуждения со скептическим дополнением, «что при таких предложениях никогда нельзя знать, насколько соответствующие личности хотели бы содействовать собственным партийным намерениям и насколько немецкие интересы близки их сердцу. Поэтому я приказал проявить осторожность». Одновременно главнокомандующий военно-морским флотом тем не менее подчеркнул: «Должно быть исключено, чтобы Норвегия попала в руки Англии. Это может быть военное решение, так как тогда Швеция также оказалась бы полностью под влиянием Англии, и война, пожалуй, была бы перенесена в Балтийское море». Поэтому он предложил,

чтобы командование вермахта согласовало с Квислингом планы мирного или насильственного вступления в Норвегию, что и одобрил Гитлер. В течение последующих месяцев управляющий Шейдт из служебной инстанции Розенберга поддерживал связь с Квислингом; его снабдили от министерства иностранных дел единовременной денежной суммой, чтобы помочь заниматься германофильской пропагандой в Норвегии. Риббентроп и Геринг были уведомлены Розенбергом о норвежских планах.

На основании обсуждения с Квислингом и Хагелином Гитлер 14 декабря 1939 года приказал командованию вермахта выполнить исследование о Норвегии. От плана германского вступления в Норвегию при поддержке людей Квислинга очень скоро отказались, так как в этой игре было слишком много небезопасных факторов и не было гарантировано сохранение тайны. Первая мысль была проводить общую операцию армии и флота, возможно, при одновременном занятии определенных баз в Дании, причем надеялись, что можно будет обойтись очень незначительными силами. Главнокомандующий ВМФ сказал в докладе о положении дел, зачитанном у Гитлера 30 декабря 1939 года, что он опасается занятия Норвегии проанглийски настроенными финскими «добровольцами». Все же уже 1 января 1940 года оперативный отдел Генерального штаба армии имел мнение, что эта операция лишняя и не соответствует немецким интересам. Если Англия угрожает норвежскому нейтралитету, то возможность для вмешательства все еще существует. Спустя десять дней исследование приняло полностью измененный вид. Из-за льдов в Балтийском море пришлось отказаться от занятия Дании и вместо этого высадить одну дивизию в Южной Норвегии (основной пункт – Осло-фьорд). Определенно морской путь здесь был короче всего, и все же скорое занятие Средней и Северной Норвегии из Осло было бы невозможно и привело бы к английской ответной акции у Нарвика, которую, однако, как раз необходимо было избежать.

13 января измененное исследование, проведенное командованием вермахта, лежало у военно-морского командования. Его перепроверка на оперативном совещании у гросс-адмирала Редера ясно обнаружила противоположный взгляд на необходимость операции. В то время как гросс-адмирал Редер был убежден, что Англия в ближайшее время займет Норвегию, оперативный отдел не верил в возможность английской операции из-за связанного с ней высокого риска. Гросс-адмирал Редер согласился, что поддержание норвежского нейтралитета представило бы, без сомнения, самое благоприятное решение и что требовалось бы, однако, ввиду небезопасного развития положения на фронтах «принять также овладение Норвегией в оперативную подготовку общего ведения войны». Образованный рабочий штаб должен был собраться под руководством генерала военной авиации, морской флот представлял бы начальник штаба, армию – первый офицер Генерального штаба. 27 января Гитлер приказал образовывать особый штаб, сначала внутри командования вермахта, для обработки общего плана операции под условным наименованием «Учение Везер», что должно было происходить «в самой тесной связи с общим ведением войны».

Соображения, как такая операция должна отразиться на более позднем ходе войны, не были изложены письменно, так что дополнительно могло возникнуть впечатление, как если бы указание от 27 января было понято в том смысле, что никакого сомнения больше не существовало в отношении занятия Норвегии и лишь нужно было проверить, сколько соединений имелось в распоряжении для проведения этой операции. Все же такое письменное изложение может отсутствовать по причинам сохранения тайны и вопрос о том, казалось ли – ввиду положения на западе – нападение на протяженное норвежское побережье вообще желательным без того, чтобы ухудшить настоящую цель – поражение основных противников, был выяснен, возможно, уже на начальном этапе размышлений благодаря личному обсуждению между Гитлером, Йодлем и Редером. Были ли тщательно продуманы эти соображения по всем направлениям, а также их политическое воздействие, сомнительно, так как министерство иностранных дел не занималось ими и начальник главного командования вермахта генерал-полковник Кей-

тель не рассматривал политические взаимосвязи: «Я имел точку зрения солдата, что подготовка военной акции против Норвегии и против Дании еще не является спусковым механизмом и что эта подготовка должна была бы продолжаться месяцы, если бы вообще мы хотели проводить такую операцию, а в это время могли бы измениться также сами предпосылки. И пожалуй, этот ход мысли служил мерилom того, что я не определил какие-нибудь шаги относительно невозможности стратегически обдумать и подготовить эту интервенцию в Норвегии и Дании и что я – должен это признать – оставил это политическим соображениям. Иначе я не могу выразить это». Морской ответственный исполнитель на случай «Учения Везер», капитан Кранке, также был убежден, «что использование военно-морского флота оправданно, только если к этому мероприятию неминуемо принуждала угроза нападения врага на Норвегию. Это решение должно было принять политическое руководство, которое одно рассматривало все предпосылки, а также должно было нести ответственность за боевое использование». Выбор правильной даты также не потребовал участия командования вермахта; тогда господствовало доверие к тому, что Гитлер располагал необходимыми донесениями для принятия правильного решения.

В подготовительных работах имелось в наличии только одно исследование трех родов войск вермахта, и оно было взято за основу для исследования морского флота. Все приготовления были проведены маленьким рабочим штабом, к которому принадлежали немногие офицеры, исключительно на тот возможный случай, если бы враждебные вооруженные силы могли высадиться в Норвегии или прекращалось бы существующее состояние норвежского нейтралитета и не был бы возможен приток шведской железной руды в Германию.

В середине февраля, когда русско-финская зимняя война привела к открытому обсуждению планов союзнической акции в Скандинавии, а германское Верховное командование с растущим вниманием следило за развитием положения на севере, произошел тот имевший большие последствия инцидент, который вынудил признать правоту оценки гросс-адмирала Редера и стал известен мировой общественности как инцидент «Альтмарка». Германское судно снабжения «Альтмарк» (14 367 брутто-регистрационных тонн, скорость 19 морских миль, год выпуска – 1938) возвращалось домой под командой капитана Х. Дау с грузом нефти из порта Артур (Техас). Немецкому броненосцу «Адмирал граф Шпее», который выполнял отдельные операции осенью 1939 года на севере и позже в Южной Атлантике, было приказано сопровождать и снабжать припасами и топливом судно. «Альтмарк», как вспомогательное судно, плыл под флагом империи и, следовательно, не был военным кораблем в настоящем смысле. Указанного в известном справочном пособии Джейна «Боевые корабли» за 1940 год орудий калибра 4–15 см не находилось на его борту, лишь два зенитных пулемета, которые были приняты «Графом Шпее». После потопления немецкого линкора 17 декабря 1939 года «Альтмарк» отправился домой, прорвал английскую линию блокады к югу от Исландии и стоял утром 14 февраля 1940 года к северу от Тронхейм-фьорда. Корабль имел на борту 228 англичан, 67 индийцев и 8 негров, которые были приняты благодаря «Графу Шпее» с потопленных британских кораблей. Личный состав «Альтмарка», включая службу зенитной пушки, составлял 133 человека. Капитан Дау намеревался возвратиться на родину по обычному судоходному торговому пути в норвежских территориальных водах.

14 февраля во второй половине дня в 15 часов 30 минут «Альтмарк» был остановлен норвежским торпедным катером «Тригг» и подвергся беглому осмотру. Начальник 2-й боевой части норвежских морских частей обороны контр-адмирал К. Танк-Нилсен в Бергене не был удовлетворен этим осмотром и отдал приказ норвежскому торпедному катеру «Снэгг» еще раз проверить груз «Альтмарка». Контр-адмирал Танк-Нилсен уже в приказе по части от 11 января указал на то, что не зарегистрированное в корабельном списке судно «Альтмарк» с 400 английскими пленными на борту ожидается с Атлантики и что об этом корабле сразу следует доложить. Когда осмотр, проведенный «Снэггом» 15 февраля в полдень во Согне-фьорде также

прошел без инцидентов, адмирал Танк-Нилсен сам отправился на торпедном катере «Гарм» к «Альтмарку», которого достиг через 2 часа. Капитан Дау отказался от повторного обыска, указав, что речь идет о государственном судне, которое не подпадает под право осмотра. Норвежцы предотвратили попытку послать радиogramму немецкому дипломатическому представительству в Осло. Вместо этого контр-адмирал Танк-Нилсен сообщил по радио адмиралу в Осло, что «Альтмарк», вероятно, имеет на борту пленных. Тем не менее адмирал Дизен приказал не препятствовать дальнейшему движению корабля с сопровождением. Контр-адмирал Танк-Нилсен протестовал против этого приказа, так как он якобы не был созвучен правилам нейтралитета. 16 февраля «Альтмарк» был уже к югу от Иэренсрева, когда около 14 часов 50 минут над ним пролетели и кружились в пределах территориальных вод Норвегии три английских самолета. Без сомнения, оживленный норвежский радиообмен обратил внимание англичан на местонахождение «Альтмарка». Около 16 часов британские эсминцы «Козэк», «Интрепид» и «Айвенго» прибыли на широту Эгерсунна, вскоре после этого в поле зрения появились три следующих эскадренных миноносца. Два из них приблизились к «Альтмарку»; несмотря на протест сопровождающего норвежского торпедного катера «Скарв», они попытались остановиться и сделали один предупредительный выстрел. Все это происходило в пределах норвежских территориальных вод.

Чтобы не быть захваченным, капитан Дау по совету норвежских лоцманов вошел в частично затянутый льдом Йёссинг-фьорд длиной 3 км между Эгерсунном и Флекке-фьордом. «Скарв» и присоединившийся к нему норвежский торпедный катер «Кьелль» следовали за ним, в то время как британский эсминец «Интрепид» остался в устье фьорда. Две новые попытки «Альтмарка» уведомить о ситуации немецкое дипломатическое представительство в Осло снова были предотвращены норвежцами. Между тем немецкий морской атташе сделал представление в Осло в норвежском адмиралтействе и пытался добиться разрешения послать усиление – в данном случае самолет из Кристиансанна в Йёссинг-фьорд, так как иначе могли бы возникнуть осложнения с Берлином. Между тем торпедный катер «Кьелль» протестовал против проникновения английских эсминцев в норвежские воды и передал командующему британской флотилией экземпляр норвежских определений нейтралитета на английском языке. Норвежский торпедный катер «Тейст» и сторожевые корабли «Фирерн» и «Гфаль IV» между тем также вошли в Йёссинг-фьорд.

Начальник 1-й боевой части норвежских морских частей обороны контр-адмирал Й. Смит-Йохансен в Хортене в 20 часов 15 минут отдал приказ торпедным катерам идти вдоль борта «Альтмарка», чтобы предотвратить британскую попытку вторжения. Преодоление норвежских торпедных катеров могло бы рассматриваться как нападение. Этот приказ был отменен после консультации с адмиралом, и было дано указание не применять силу. Повторная претензия командира торпедного катера «Кьелль» была отвергнута командиром британского эсминца «Козэк» капитаном Ф.Л. Вианом со ссылкой на строгий приказ британского адмиралтейства освободить пленников «Альтмарка» также вопреки воле норвежского правительства. В 23 часа 28 минут капитан Дау заметил, что неизвестный военный корабль вошел во внутренний фьорд. На запросы у норвежских торпедных катеров, о каком корабле идет речь, ответа не последовало. Это был британский эсминец «Козэк», который намеревался идти вдоль борта «Альтмарка». «Альтмарк» шел своим ходом, стремился прижать эсминец к суше и слегка наезжал на него по ахтерштевню. Офицер и 20 моряков «Козэка» с ручным огнестрельным оружием взяли на бордаж немецкий корабль; дошло до рукопашного боя и стрельбы, часть команды убежала по льду и также была обстреляна. Из немецкой команды 7 человек были мертвы, один пьян, многие ранены. Среди англичан был ранен один человек. «Козэк» взял на борт пленных английских моряков и возвратился с флотилией эсминцев в Англию. «Альтмарк» только 6 марта ушел на ремонт в Занде-фьорд и 22 марта отправился домой.

Это бесспорное и серьезное нарушение нейтралитета вызвало огромную сенсацию. Можно признать, что это был вопрос престижа Англии – не позволить транспортировать пленных британских моряков от южноамериканского побережья до Киля и предпринять попытку их освобождения. На норвежский протест ответили британским контрпротестом, в котором выражалось лишь согласие с тем, что нейтралитет Норвегии был нарушен «технически». Неясным оставалось, было ли совершенно правильным поведение немцев; не поддающееся определению согласно международному праву двойственное положение «государственного корабля» – между военным кораблем и торговым судном – облегчило спланированный немецкий прорыв блокады. Таким образом, может появиться сомнение, имело ли место одностороннее нарушение нейтралитета, так как очевидно, что Норвегия в этом случае также придерживалась своего нейтралитета не точно и не свободно от влияний. Важно то, что норвежская служба сопровождения, главным образом во второй боевой части морской обороны, была использована для того, чтобы постоянными сообщениями направить английские военно-воздушные и военно-морские силы на немецкий корабль. Таким образом, в Германии могло возникнуть впечатление, что речь шла не о единичном случае, а о логичной последовательности норвежской правительственной политики. Такое истолкование нейтралитета – с полным основанием или нет, – без сомнения, нанесло ущерб уважению, которым Норвегия пользовалась в 1930-х годах, занимая доминирующее положение среди маленьких береговых государств.

Если бы германское имперское правительство подвергло случай с «Альтмарком» спокойному рассмотрению, взвесило бы предпосылки инцидента и еще оставшиеся возможности Норвегии, то нападение в Йёссинг-фьорде никогда не имело бы того решающего значения, которое оно фактически получило для будущего оформления германо-норвежских отношений. В то же время имперское правительство должно было признаться в том, что оно опасалось последующих нарушений нейтралитета по отношению к Скандинавии. Насколько оно было право в этом, указывает получившая позднее известность телеграмма французского премьер-министра Даладье французскому послу в Лондоне от 21 февраля 1940 года, в которой сообщалось в том числе: «Занятие самых важных норвежских гаваней, высадка первого отделения вооруженных сил союзников в Норвегии дала бы Швеции первое чувство надежности. Эта операция должна была бы продумываться независимо от крика о помощи Финляндии и выполняться в течение самого короткого срока, а именно в инсценировке, для которой случай с «Альтмарком» представляет образец для нас». И наконец, поступавшие из Норвегии сообщения свидетельствовали, что там было возможно переформирование правительства и что кабинет Хамбро – Мовинкеля был готов на основании статьи 16 пакта Лиги Наций уступить западным державам право прохода. Германия вынуждалась таким развитием событий на севере к принятию всесторонних мер. В своем докладе от 23 февраля главнокомандующий военно-морским флотом подчеркнул, что поддержание норвежского нейтралитета желательнее всего для Германии, потому что оккупация Норвегии Англией привела бы к войне в Балтийском море; он не считал тогда возможным вытеснить англичан из Норвегии. Однако в Балтийском море важна прежде всего беспроблемная доставка шведской руды для германской военной экономики. Это было не гарантировано, если бы только Англия обосновалась в Норвегии. Германский захват Норвегии, правда, ввиду британского морского господства не мог бы гарантировать прохождение транспортов с рудой из Нарвика, которые составляли каждый год примерно от 2,5 до 3,5 млн тонн; однако, по крайней мере, было гарантировано продолжение поставок железных руд через Швецию. Они составляли примерно 10 млн тонн в год.

Это был серьезный вопрос: окупала ли эта военно-хозяйственная цель использование сил на севере и вместе с тем учреждение нового фронта? Если германское руководство намеревалось осуществить нападение на западе вскоре, тогда для немецкой военной экономики должны были захлопнуться лотарингские, бельгийские и северофранцузские рудники с намного более высокой мощностью. Решение о том, какой операции нужно отдать преимущество во времени,

еще оставалось открытым. Операцию против Норвегии задумали проводить только тогда, когда наступление на западе пришло бы к определенному завершению. В любом случае необходимые подготовительные работы должны были начаться сразу, равно как и расчет мощных потребностей трех родов войск вермахта. Руководство операцией «Учение Везер» было передано – по предложению центрального отдела по вопросам личного состава Генерального штаба армии – командиру XXI армейского корпуса генералу пехоты фон Фалькенхорсту, который был проинструктирован о задании Гитлером 21 февраля 1940 года.

Глава 2

ПОДГОТОВКА ОПЕРАЦИИ «УЧЕНИЕ ВЕЗЕР»

Работа по планированию в штабе Фалькенхорста. – Силы, имеющиеся в распоряжении. – Оперативные задания: армия, военно-морской флот, военная авиация. – Главные штабы. – Сомнения в целесообразности операции. – Приказ на проведение операции (2 апреля)

Генерал пехоты фон Фалькенхорст с 24 февраля 1940 года со своим маленьким рабочим штабом начал разрабатывать оперативные планы захвата Норвегии. Его штаб-квартира находилась в зданиях командования вермахта в Берлине на Бендлерштрассе, где в течение самого короткого срока нужно было выполнить обширную, детализированную подготовительную работу, которая была затруднена особенно строгими даже для штаба предписаниями соблюдения тайны. Фон Фалькенхорст считался способным офицером Генерального штаба, был лично невзыскателен, благороден, полон энергии и упорства. Он получил свое новое задание на основании его опыта как капитана Генерального штаба, служившего в штабе балтийской дивизии барона генерала фон Гольца. Тогда, весной 1918 года, Фалькенхорст участвовал в подготовке немецкой военной операции для оказания помощи Финляндии и смог ознакомиться с трудностями, которые всегда возникают при комбинированной операции нескольких частей вермахта, проводимой через морские пространства.

Работа по планированию группы XXI (так теперь звучало служебное наименование штаба фон Фалькенхорста) проводилась под надзором Верховного командования вермахта и при участии руководящего управления вермахта, которое откомандировало для этого офицера Генерального штаба (подполковника Г. фон Лоссберга). Самый приближенный сотрудник Йодля, начальник отдела обороны страны полковник В.В. Варлимонт, также участвовал в оперативных подготовительных работах. Гитлер тогда задерживался в Берлине и часто заслушивал в имперской канцелярии доклады о состоянии подготовительных работ, при этом присутствовали генерал-полковник Кейтель и генерал-майор Йодль. Подготовленные до февраля 1940 года соображения были собраны руководящим управлением вермахта, отделом обороны страны в исследовании, которое могло дать тем не менее только общую основу. Только теперь должны были быть разработаны все подробности, причем дело было отягощено тем, что отсутствовали какие-либо подготовительные работы оперативного или хотя бы военно-географического характера. О норвежских вооруженных силах, положении и силе береговых укреплений говорили только скудные документы, но отсутствовала даже пригодная карта – настолько операция против Норвегии не входила в расчеты германского Генерального штаба.

Первые оперативные и тактические приказы обрабатывались самыми примитивными средствами, туристическими путеводителями и аналогичными малоподходящими вспомогательными пособиями. Недостаток документов выявился уже при высадках и имел серьезные последствия. В наличии имелись лишь предположительные позиции батарей (например, Тронхейм, Нарвик), другие были неизвестны или недооценены в их эффективности (например, Осло-фьорд). Знали о том, что Норвегия имела более шести дивизий милицейского характера с активным составом силой в один полк, который был распределен до Тромсё. Для их готовности к войне требовалась мобилизация, для которой были предусмотрены полигоны и крепости. Морской флот имел в распоряжении устаревший корабельный состав и несколько современных мелких боевых средств, у которых были хорошие возможности для неожиданных действий в изобиловавших фьордами водах. Военная авиация, существовавшая отдельно в армии и на морском флоте, имела примерно 200 самолетов. Если эти вооруженные силы в трудных территориальных условиях страны по меньшей мере некоторое время могли оказать успешное

сопротивление вторжению, то военный опыт и боевой дух норвежцев оценивались все же как незначительные (как выяснилось позже – напрасно).

Количество немецких дивизий, которые имелись в распоряжении для операции против Норвегии, было ограничено. Ввиду предстоящих операций на западе Генеральный штаб сухопутных войск стремился сконцентрировать основные силы именно там; захват Норвегии означал, согласно точке зрения начальника Генерального штаба, нежелательное использование боевых соединений на второстепенном театре военных действий. В соответствии с этим он должен был отказаться – с точки зрения общего ведения войны – предоставить в распоряжение все три немецкие горнострелковые дивизии для действий в Норвегии, как ходатайствовал генерал фон Фалькенхорст. Лишь 3-я горнострелковая дивизия (генерал-майор Дитль) была высвобождена и подтянута в Бранденбург. За исключением этой активной и имеющей боевой опыт горнострелковой дивизии, большинство предусмотренных для Норвегии войсковых частей, а также мотопехотная бригада, после персонального и материального обеспечения и образования были выставлены как 7-й эшелон и еще не были на фронте. Они были собраны только в канун наступающего нового, 1940 года из запасных полевых и тыловых батальонов и находились на обучении. Тем более нужно признать, что эти соединения при своем первом использовании – в особенно трудных условиях – соответствовали всем требованиям. Этого никто не мог ожидать. Недостаточное оснащение тяжелыми минометами, которые штаб Фалькенхорста специально (и тщетно) запрашивал, дало о себе знать с очень невыгодной стороны в горных боях. Незначительное распределение танков – танковое отделение 40 под командованием подполковника Фолькхайма (3 танковые роты с легкими танками Т-I и Т-II) – мотивировалось не предназначенной для танков территорией.

Генеральный штаб военно-воздушных сил, как и Генеральный штаб сухопутных войск, также был настроен удерживать соединения для решения исхода боев на западе и только неохотно соглашался с самыми необходимыми передачами боевых частей для операции в Норвегии. Лишь четыре парашютные роты, составленные из запасных частей, были отданы в распоряжение Фалькенхорста. Необходимые летные соединения были переданы в X летный корпус в самом скромном количестве. Длинные расстояния полета и по оценкам низкого качества система аэродромного обслуживания в Норвегии должны были повлечь за собой досрочный износ летных соединений. Поэтому (не в последнюю очередь по настоянию военной авиации) Дания, которая сначала осталась вне военных соображений, 21 февраля была включена в планирование: чтобы гарантировать надежную связь с Норвегией, надо было иметь возможность использовать ютландские аэродромы и скрывать эти стратегические ключевые позиции от внушающей страх английской авиации. Большое значение придавалось морскому флоту в гарантированном и безмятежном проходе морских транспортов по датским водам. Захват Дании происходил не по детально подготовленному плану, а под впечатлением от вынужденного оперативного положения. Причиной такого решения стали исключительно военно-географические условия; политические соображения в расчет не принимались.

Расширение плана с учетом захвата Дании требовало предоставления двух пехотных дивизий (одна дивизия полиции и одна дивизия ландвера), одного батальона воздушно-десантных войск и одной моторизованной бригады. В качестве штаба подошло для этого XXXI высшее командование особого назначения под руководством генерала авиации Каупи-ша, который стал одновременно командующим вермахтом в Дании. Начальником штаба был генерал-майор Химер. Оба офицера были проинструктированы о задании 2 и 5 марта в Берлине. Так как и Дания имела две дивизии, то количество немецких дивизий относилось к датским и норвежским дивизиям как 1:1. Это соотношение не вызывало сомнений, но оно могло резко поменяться не в пользу немцев, если бы Швеция заявила о солидарности с обеими северными странами. Однако при подготовке операции это учитывалось лишь как вероятность, равно как и оперативные английские десанты для поддержки норвежцев. Недостаток транспорта не допус-

кал перевозку и снабжение больших масс войск, кроме того, мысль о «мирной оккупации» перевешивала взгляд, согласно которому на севере также могло дойти до образования фронта. Разразившиеся позднее из-за незначительного количества сил неизбежные кризисы у Тронхейма и Нарвика показывают, что высшее руководство изначально недооценило возможность затяжных сражений в Норвегии. И хотя уже в ходе планирования предполагался военный риск, полагали, что «количественная слабость должна быть уравновешена смелыми действиями и неожиданным проведением операции».

Однако штабу Фалькенхорста было нелегко получить даже выделенные незначительные силы, хотя к весне 1940 года насчитывалось 207 боеготовых немецких дивизий. В начале планирования в феврале 1940 года начальник Верховного командования вермахта и командующий резервной армией считали, что могут предоставить в распоряжение Фалькенхорста только от четырех до пяти дивизий (из них две дивизии с чешским вооружением предусматривались как второй эшелон). 21 февраля начальник вооружения армии и командующий армией резерва генерал Фромм сделали встречное предложение – из-за упрощения снабжения и большей боевой мощи использовать все же только части с немецким вооружением. Вопрос стоял о 7-й летной (парашютной) дивизии, 22-й пехотной (воздушно-десантной) дивизии, одном полке 1-й горнострелковой дивизии, двух пехотных дивизиях 7-го эшелона и 11-й танковой бригаде с танками Т-І. Неделий позже выяснилось, что необходимо отделить друг от друга во времени и физически операции «Учение Везер» и «Гельб», чтобы сохранить политическую и оперативную свободу в выборе решения и иметь возможность откладывать или прекращать операции независимо друг от друга.

Теперь потребность в мощности для «Учения Везер» оценивалась следующим образом: четыре парашютные роты, 22-я дивизия (без 16-го пехотного полка), две горнострелковые дивизии и две дивизии 7-го эшелона – для Норвегии; штаб корпуса с одной полицейской дивизией, одной дивизией 3-го эшелона и одной мотопехотной дивизией – для Дании. Усиленная 11-я мотопехотная бригада должна была использоваться как быстрое соединение сначала при группе в Дании и затем подтягиваться в Норвегию. Эти требования наряду с данными о силах военной авиации были решительно отклонены в начале марта главнокомандующими сухопутными войсками и люфтваффе, так что, наконец, потребности в военной авиации были сокращены, а несколько армейских соединений первого эшелона заменили другими дивизиями. 3 марта Гитлер положил конец обсуждению расчета сил, когда «очень резко» потребовал «быстро и жестко вступить в Норвегию». Более точная проверка при большом обсуждении у главнокомандующего, состоявшемся 5 марта, показала в итоге, что выделенные для Нарвика ресурсы армии должны быть усилены в случае отказа от высадки в Кристиансанне. Для Норвегии окончательное число дивизий было установлено равным шести. Этот расчет был сделан ввиду большого расстояния и возможного противодействия и предполагал, что армейские соединения придут своевременно и полностью в предусмотренные районы боевых действий.

Военно-морской флот в свете полученного задания оказался в весьма стесненном положении. Речь больше не шла о смелой рискованной операции; проведение и обеспечение вторжения в районе значительно превосходящего противника требовало полного использования всех имеющихся в распоряжении военно-морских сил. Они были достаточно незначительны и понесли уже ощутимые потери. В распоряжении имелись линкоры «Шарнхорст» и «Гнейзенау», броненосец «Лютцов» («Адмирал Шеер» стоял в верфи на ремонте двигателей), два тяжелых и четыре легких крейсера («Лейпциг» из-за пробоины от торпеды стоял на ремонте в верфи), 14 эсминцев (два эсминца затонули в феврале 1940 года из-за ошибочного нападения немецкого самолета, остальные шесть ремонтировались), семь торпедных катеров (оставшиеся ремонтировались или стояли в верфи), остальные – минные тральщики и вспомогательные суда. Имеющиеся в распоряжении транспортные суда были также немногочисленными. Это

привело к тому, что не мог быть проведен захват Намсуса и Ондалснаса, что считала желательным группа XXI. Позднее высадились англичане, и разразился тронхеймский кризис.

Расчет предоставляемых сухопутных сил зависел сначала от возможностей морского транспорта, в частности самых важных для первой высадки на берег оперативных десантных средств на военных кораблях. Постепенно (что и было сделано в течение операции) могли бы подвозиться другие соединения. Прочая подготовка военно-морского флота касалась получения и исправления морских карт, определения площадок для высадки, длины набережной и т. д., учреждения лоцманской службы в минных заграждениях в проливах Большой и Малый Бельт, в Зунде и в Гедсере и, наконец, подготовка к расстановке военных плавучих маяков в проливе Каттегат. Нужно было готовить персонал для занятия береговых укреплений и информационных центров. Необходимо было считаться с тем, что большая часть назначаемых кораблей будет потеряна, и тогда, возможно, военно-морской флот как часть вермахта не сможет больше действовать до конца войны. Только исключительные причины были в состоянии оправдать такое боевое использование. Военно-морское руководство медлило до самого конца и отказывалось признавать принятое решение оптимальным. Невзирая на многочисленные исследования и соображения иного характера, оно видело в поддержании нейтралитета Норвегии лучшее для Германии решение. Случай с «Альтмарком» вызвал, однако, перемену в оценке ситуации; с этого момента Верховное командование военно-морского флота было убеждено, что силовое вмешательство на севере неизбежно и что нужно своевременно опередить с уверенностью ожидающийся враждебный удар-вторжение. Точку зрения на решающий характер операции в Норвегии не разделяли в Генеральном штабе сухопутных войск, к которому присоединилась также военная авиация. По мнению этих обоих главных штабов, военное решение необходимо было искать на западе; в противоположность этому захват Дании и Норвегии имел только второстепенное значение и представлял опасное расщепление сил. И все-таки обеспечение северного фланга лежало также в интересах Генерального штаба сухопутных войск, который принимал в расчет жесткую и продолжительную борьбу на западе.

С учетом этих непростых взаимоотношений и происходило планирование в штабе Фалькенхорста. Педантично точной работой при строгом сохранении тайны штаб дал предпосылку для неожиданного успеха. Чтобы в день высадки иметь под рукой необходимое военное имущество, выделенные для Нарвика транспортные суда должны были выйти на шесть дней раньше, другие – соответственно после них по точному календарному плану (для военных кораблей требовалось минимум три дня в пути). В течение первых трех дней еще существовала возможность прекратить операцию, но с выходом военных кораблей это уже было невыполнимо. Следовательно, приказ на начало операции должен быть отдан минимум за шесть дней до дня высадки на берег («день Везер»).

24 февраля начал работу штаб Фалькенхорста, а уже с 10 марта должно было быть возможно импровизированное проведение операции, подготовительные работы должны были завершиться самое позднее в конце марта. 4 марта в Берлин поступили сообщения, согласно которым ожидалась предстоящая военная интервенция западных держав в поддержку Финляндии, настоящая цель которой должна была заключаться в том, чтобы служить предлогом для высадки союзников в Норвегии. Дата проведения немецкого ответного хода зависела не в последнюю очередь от обледенения западной части Балтийского моря, которая очень препятствовала проходу кораблей той суровой зимой, в то время как противник в этом отношении не был связан.

29 февраля генерал фон Фалькенхорст представил готовый план операции Гитлеру. Тот принял его и 1 марта подписал первую оперативную директиву для захвата Дании и Норвегии. Операция получала условное наименование «Учение Везер». День и час не указывались. Это доказывает, что речь не шла об окончательном, категорическом решении. Исследование одобрялось в представленной форме, и приготовления должны были проводиться таким обра-

зом, если бы в дальнейшем поступил определенный приказ. Интересно отметить также то, что однозначная констатация директивы «развитие ситуации в Скандинавии требует этого» пятью днями позже изменилась в операционном приказе группы XXI на формулировку, оставляющую открытой любую возможность: «если этого потребует ситуация в Скандинавии». Следовательно, в штабе Фалькенхорста придерживались мнения, что речь все еще шла о подготовке к возможному случаю. Принципиально было стремление провести захват без борьбы и достичь лояльного сотрудничества с правительствами Дании и Норвегии. Хотя это предполагалось не сразу, воинские части должны были сдерживать себя и только в самом крайнем случае использовать оружие. Это привело во многих случаях к потерям, причем гибель «Блюхера» в Осло-фьорде отразилась в военно-политическом отношении серьезнее всего.

На основании директивы от 1 марта штабы родов войск вермахта издали свои оперативные приказы, которые были согласованы один за другим, после того как 5 марта произошло большое совещание Гитлера с тремя главнокомандующими: сухопутными войсками, военно-морским флотом и люфтваффе. Чтобы успешно наступать на протяженном побережье слабыми силами, было необходимо определить оптимальные пункты высадки. Для Норвегии и Дании было намечено соответственно по семь мест: Нарвик, Тронхейм, Берген, Эгерсунн, Кристиансанн, Аренд ал, Осло, Копенгаген, Миддельфарт, Эсбьерг, Тюборён, Корсёр, Гедсер, Ньюборг. Для захвата Норвегии предоставлялись от армии: 3-я горнострелковая дивизия (в районе: Науен – Фронау – Дёберитц), 69-я пехотная дивизия (полигон Гросборн), 196-я пехотная дивизия (в районе Данциг – Готенхафен), 163-я пехотная дивизия (полигон Дёберитц), 181-я пехотная дивизия (район: Берген – Уельцен) и 214-я пехотная дивизия (в районе Коттбус – Губен). Каждая дивизия должна была доставляться несколькими эшелонами на транспортных кораблях в свои районы боевых действий. В Норвегии должны были высадиться в первом эшелоне: 163-я, 69-я и 3-я горнострелковая дивизии; во втором эшелоне: 196-я, 181-я дивизии и в третьем эшелоне 214-я дивизия. Из предоставленных для захвата Дании сил армии имелись 170-я пехотная дивизия в районе Мюнстера, 198-я пехотная дивизия в районе Прицвалк – Виттенберг и 11-я мотопехотная бригада, усиленная легковыми вездеходами Kfz. 1, в районе Альтенграбов. Командирам дивизий было приказано в конце февраля – начале марта по одному прибыть к генералу фон Фалькенхорсту для инструктажа. Соединения находились в состоянии готовности в течение семи дней провести посадку первых эшелонов на транспортные корабли. В их задачу входило, в случае невозможности осуществления вступления дружественным путем, удерживать плацдармы в Дании и Норвегии, связать их друг с другом настолько возможно быстро и, удерживая Нарвик, полностью захватить южную и центральную части Норвегии, чтобы установить связь по земле и по морю с Нарвиком. Если захват Дании натолкнется на трудности, то эту страну нужно было сначала защищать. С этой целью предназначенная для Осло 196-я пехотная дивизия в случае необходимости могла быть повернута в Данию.

Военно-морской флот имел задание с помощью 11 групп военных кораблей и восьми транспортных эшелонов перевозить части и вооружение по точному календарному плану в Данию и Норвегию. Для этого использовались почти все имеющиеся в распоряжении военные корабли и транспортные суда. Транспортировка больших общевойсковых соединений на военных кораблях была до сих пор единственным в своем роде случаем в военной истории. Английское морское господство на Северном море могло быть свергнуто только благодаря моменту неожиданности. Большое значение поэтому придавалось маскировке и обману. Должны были найти применение не только нейтральные и английские корабельные имена и опознавательные знаки, но и был отдан до сих пор неповторимый в немецкой военной истории приказ повесить английский военный флаг на немецких кораблях, если этого потребует ситуация. Так, в приказе командующего разведывательными вооруженными силами для групп IIIa и IIIb (группа крейсеров, направлявшихся в Берген) говорилось в том числе о поведении при входе в нор-

вежские воды: «Маскировка под английские транспортные средства должна осуществляться до последней возможности. На все запросы радиотелеграфом норвежских кораблей отвечать на английском языке... На вызов нужно отвечать именами английских военных кораблей... Проявлять предусмотрительность, освещать английский военный флаг». Для общения с проходящими норвежскими сторожевыми кораблями фразы морзянкой были подготовлены на английском языке. Распоряжения считались логичными для линкоров, эсминцев и остальных групп военных кораблей. Предусмотренные для Осло-фьорда два корабля – разрушителя заграждений имели указание отвечать «на вызовы сигналами с побережья и сторожевых кораблей, используя для обмана имена английских пароходов. За день до «дня Везер» (8 апреля) с наступлением темноты нужно повесить английский торговый флаг. Самое позднее с наступлением «времени Везер» или при начале боевых действий нужно повесить немецкий военный флаг». Соответственно командующий подводным флотом в операционном приказе («Хартмут») ставил в известность свои лодки о том, что немецкие военно-морские силы «при вхождении [в норвежские гавани] вплоть до высадки войск, вероятно, кроме Нарвика будут нести английский военный флаг».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.